

Лестница, ведущая на верхний этаж бокового флигеля, была освещена тускло, но вокруг царила глубокая тишина. В таком безмолвии любой звук становился в разы громче.

Дядя Чэнь слышал собственное эхо, шаги же господина Бай Цзяня были почти невесомыми. Голос Сы Юэ отчетливо доносился из динамика телефона.

— Можешь описать конкретнее?

В глазах Бай Цзяня мелькнула мягкая усмешка.

— Смелый.

— Непоколебимый.

Длинные, изящные пальцы Бай Цзяня мягко коснулись выключателя, и коридор залил свет. В каждом его жесте сквозило врожденное благородство — что бы он ни делал, это выглядело эстетично.

— И искренний.

Сы Юэ не ожидал услышать именно это. Он нахмурился: описание не вязалось с его привычными представлениями о «типажах». Если спросить Чжоу Янъяна или послушать парней в университете, все обычно твердили про «большие глаза, румяные щечки и длинные волосы». Те, кто хотел казаться выше пустых суждений о внешности, добавляли: «Ну, лицо не так важно, главное — чтобы человек был хороший». Однако Сы Юэ давно заметил: на деле их слова всегда расходились с поступками. А «хороший человек» было лишь размытым обобщением.

Сы Юэ осторожно спросил в трубку:

— А что насчет внешности? Какие тебе нравятся?

— Можешь привести пример? — голос Бай Цзяня в телефоне звучал всё нежнее.

— Ну, допустим, как я.

Дядя Чэнь: «...»

Бай Цзянь сделал вид, что задумался.

— Пожалуй, это в точности соответствует моим требованиям к партнеру.

Дядя Чэнь почувствовал, что тонкая преграда между ними вот-вот рухнет. Однако он не учел одного: не успел господин Бай Цзянь закончить фразу, как молодой господин Аюэ выпалил: «Ясно, понял», и пулей сбросил вызов.

Бай Цзянь замер на мгновение, затем медленно убрал телефон от уха и негромко рассмеялся. Посмотрев на дворецкого, он спросил:

— Чэнь Цянь, как думаешь, о чем сейчас размышляет Аюэ?

Дядя Чэнь взял паузу.

— У молодого господина Аюэ... весьма специфический ход мыслей. Господин Бай, возможно, вам стоит просто сказать ему всё прямо?

Бай Цзянь покачал головой.

— У Аюэ свои методы и свой темп. Пусть он привыкнет еще пару дней. Боюсь, если я надавлю сейчас, он просто не сможет этого принять.

Тритоны — странные существа. Пока у них нет пары, они подобны бесстрастным машинам для учебы или работы. Но стоит им найти своего спутника, как две трети всей энергии они начинают тратить исключительно на него, при этом умудряясь сохранять прежнюю продуктивность в делах. Это биологическая особенность вида: партнер для них — то же самое, что кислород и сама жизнь.

Бай Цзянь надеялся, что Аюэ скоро пройдет период адаптации. Ему действительно стало мало случайных прикосновений.

В это время Сы Юэ в своей комнате места себе не находил. Он вытащил планшет и исписал целую страницу своими достоинствами. Первой строчкой гордо значилось: «Красавчик». Далее шли: «Несгибаемый дух», «Бесстрашие перед трудностями»... Дописав до конца, он пришел к выводу, что он просто идеален. Если не считать короткого срока жизни, его можно было назвать венцом творения.

Далее последовал план: «Как заставить Бай Цзяня влюбиться в меня».

Дано: внешне я в его вкусе.

Неизвестно: всё остальное.

Сы Юэ задумчиво грыз стилус. Он никогда ни за кем не бегал, зато бегали за ним. Любит ли Бай Цзянь шоколад и розы? Или, может, воздушные шары и спорткары? На спорткар денег пока не хватало. В графе «методы» Сы Юэ пометил: «Уточняется».

Он любил азарт и вызовы. Раз Бай Цзянь ему нравится, значит, надо идти в атаку. К тому же, учитывая их общую историю, когда они буквально спасали друг другу жизни, шансы на успех

казались огромными.

Сы Юэ благополучно проигнорировал фразу Бай Цзяня, которая была почти прямым признанием. Он с головой ушел в эйфорию от мысли: «У меня есть любимый человек, и я его завоюю». От возбуждения он смог уснуть только под утро.

Когда он проснулся, был уже полдень. Но он не забыл: вечером похороны Бай Ити.

За окном стоял туман. Дождь прекратился лишь ночью, но воздух оставался влажным, а на пелене тумана, казалось, всё еще висели невидимые капли воды.

Сы Юэ стоял в гостиной, пока дядя Чэнь прикреплял к его лацкану белую розу. За цветком виднелся бант из прозрачного кристалла и шелковых лент.

— Госпожа Бай Ити особо просила, чтобы каждый пришедший на прощание имел при себе белую розу. Чтобы гости не забыли, господин Бай Цзянь распорядился заранее изготовить такие броши, — негромко пояснил дядя Чэнь.

Сы Юэ опустил голову.

— Вы не едете?

— Дом нельзя оставлять без присмотра, — улыбнулся дворецкий. — Я останусь.

Когда спустился Бай Цзянь, Сы Юэ, услышав шаги на лестнице, вскинул взгляд, и его вид тут же стал неестественно напряженным. Он лихорадочно вспоминал, как он обычно здоровается.

Бай Цзянь подошел к нему, улыбнулся и мягко взъерошил его волосы.

— Хорошо позавтракал?

В его глазах плясали смешинки. Из-за того что Сы Юэ проснулся поздно, все уже успели пообедать, пока он только приступал к завтраку.

— Тетушка сварила огромную миску лапши с морепродуктами, — честно ответил Сы Юэ. — Крабы и креветки были очень свежими, но, по-моему, в следующий раз стоит добавить немного карри.

Бай Цзянь внимательно выслушал его и кивнул:

— Хорошо, я передам ей.

— Мы поедem на своей машине или...

— Мы едем порознь. Я — с Бай Лу, а ты, Аюэ, поедешь с моим братом Бай Юанье, — подал голос Бай Лу. Он выглядел еще более изнуренным, чем пару дней назад. — Так удобнее, нас слишком много.

Сы Юэ кивнул. Это его вполне устраивало — он и сам не горел желанием ехать в толпе.

В машине Сы Юэ чувствовал себя уже не так вольготно, как дома. Салон был просторным, но наедине с Бай Цзянем пространство казалось тесным. Он отодвинулся к окну и украдкой взглянул на мужчину.

Бай Цзянь изучал на планшете отчет на английском языке. Сегодня он не мог поехать в офис, поэтому большую часть дел решал из дома. Похоже, он был так сосредоточен, что не замечал, как человеческий малек рядом с ним бесстыдно его разглядывает.

Сы Юэ это нравилось. Теперь он был «охотником», он был на свету и проявлял инициативу, в то время как Бай оставался в тени. Он редко мог вот так открыто смотреть на Бай Цзяня — у того была слишком высокая чувствительность, как и у всех тритонов. Стоило задержать на нем взгляд дольше пары секунд, как Бай Цзянь тут же спрашивал: «Аюэ, на что ты смотришь?». Этот мягкий тон всегда заставлял сердце Сы Юэ сжиматься, словно Бай Цзянь заранее знал все его мысли.

В очках Бай Цзянь выглядел еще более утонченно. Будь сейчас древние времена, он был бы идеальным книжником. Впрочем, и сейчас он им казался. Однако за маской скромности и вежливости скрывалось нечто иное. Он не был просто «джентльменом», за чьими манерами ничего нет.

У него были длинные ресницы, прямой нос и кожа холодного белого оттенка — не того здорового розового цвета, как у людей, а белого, как иней или снег. Тритоны никогда не краснеют лицом. Сы Юэ помнил из учебника: капиллярная сеть под их кожей не так развита, как у людей, зато чешуйки за ушами реагируют мгновенно. Эмоции передаются им, заставляя менять цвет или приподниматься. То, что заставляет людей краснеть, заставляет чешую тритонов оживать.

— Бай Цзянь, ты очень красивый, — внезапно выдал Сы Юэ.

Сказав это, он тут же подался вперед, заглядывая Бай Цзяню за ухо. Зрение у него было отличным, но никакой чешуи он не увидел.

Бай Цзянь повернул голову.

— Что ты сказал?

Сы Юэ испытал легкое разочарование.

— Ничего.

Бай Цзянь посмотрел на него, отложил планшет и принял расслабленную позу.

— Аюэ, почему ты вчера вдруг спросил про мой типаж?

Сы Юэ думал, что тот уже забыл. Раз в доме он об этом не вспоминал. Он попытался посмотреть в окно, чтобы унять волнение, но видел лишь густой туман над лесом. Пришлось снова смотреть на собеседника.

— Просто любопытно стало, — Сы Юэ не хотел пугать его. Он понимал, что сейчас не лучший момент для признаний: погода дрянь, нет ни конфет, ни цветов. Стоило бы написать официальное любовное письмо, чтобы не показаться грубым, ведь Бай Цзянь так ценит правила.

Он считал, что за сотни лет этот «старый лис»... то есть, почтенный тритон, видел столько ухаживаний, что удивить его будет сложно. Действовать нужно было постепенно, по методу «варки лягушки в теплой воде».

— Бай Цзянь, у меня есть вопрос, — Сы Юэ придвинулся ближе, так что их бедра почти соприкоснулись. Он по-свойски хлопнул Бай Цзяня по колену с очень серьезным видом.

Бай Цзянь: — Спрашивай.

— Почему ты столько лет был один? — Сы Юэ действительно это мучило. У людей даже в детском саду заводят «любовь», а тут — триста лет одиночества. — И если ты был один, то как ты... ну... решал мужские вопросы? Как мы, люди? Вот так? — Сы Юэ поднял руку, демонстрируя ладонь.

Пальцы у него были изящными, ногти аккуратно подстрижены, а на пальце красовалось кольцо, которое он послушно носил.

— Да, именно так, — невозмутимо ответил Бай Цзянь.

Сы Юэ замялся.

— Мои вопросы тебя не обижают? — Он понимал: даже если тебе кто-то нравится, нужно уважать личные границы. Если Бай Цзяню неприятно, он должен уметь вовремя остановиться.

— Нет, — в глазах тритона мелькнула безграничная снисходительность. — Ты можешь спрашивать о чем угодно, я не обижусь.

Эта снисходительность была настолько очевидной, что будь Сы Юэ хоть чуточку проникательнее, он бы всё понял. Но он был слишком увлечен своей ролью «активного завоевателя». Даже водитель, мельком глянув в зеркало, невольно подумал, как же ладят господин Бай и малец Аюэ.

Похороны изначально планировали в ритуальном зале, но Бай Ити в завещании просила провести их дома. Благо, поместье семьи Бай было огромным: три соединенных особняка. Поскольку она просила о скромной церемонии, дети не стали устраивать пышных торжеств. Подготовка заняла всего пару дней.

Однако утаить новость не удалось. Стоило Бай Ити скончаться, как весть разлетелась из госпиталя. Телефоны в доме Баев не умолкали. Число гостей выросло с двадцати до более чем сотни, и это не считая тех, кто приходил почтить память без приглашения. Семье пришлось расширять масштабы церемонии.

Венки начали прибывать с первого же дня от её старых друзей и поклонников. Все знали, что Бай Ити обожает белые розы, поэтому море цветов было исключительно белоснежным.

Машина Сы Юэ и Бай Цзяня объехала фонтан и замерла у входа. Швейцар с красными от слез глазами и охрипшим голосом открыл дверь:

— Добрый вечер, господин Бай Цзянь.

Сы Юэ вышел следом. Бай Цзянь протянул ему руку, и юноша совершенно естественно вложил свою ладонь в его, словно делал это тысячи раз. Только переступив порог, он осознал, что произошло, и его уши мгновенно залились краской. Однако нужно было сохранять невозмутимость перед гостями.

— Господин Бай Цзянь, сколько лет, сколько зим! — к ним подошла дама с белой розой в руках. На ней был элегантный черный жакет, облегающая юбка-карандаш и изящная шляпка. Она выглядела воплощением грации.

Поприветствовав Бая, она перевела взгляд на его спутника.

— А это ваш партнер, Сы Юэ, верно? — В её прекрасных глазах светилась улыбка.

Сы Юэ крепче сжал руку Бай Цзяня.

— Здравствуйте.

— Ты очень симпатичный человеческий детеныш, — искренне похвалила Вань Яо.

Несмотря на неброское черное пальто, Сы Юэ держался прямо, в нем чувствовалась юношеская энергия и задор. Его черты лица казались утонченными, но вместе с тем мужественными и четкими. А его глаза явно сулили ему успех у противоположного (и не

только) пола.

«Симпатичный... человеческий детеныш?»

Сы Юэ нашел комплимент странным, но вежливо поблагодарил.

— Ты меня не узнаешь? — Вань Яо была слегка удивлена его спокойной реакцией.

Сы Юэ нахмурился:

— А вы...

Бай Цзянь коснулся плеча Сы Юэ:

— Госпожа Вань Яо — кинодива, обладательница множества наград. Тот фильм «Праздность», который вы смотрели с Бай Лу на прошлой неделе — она там в главной роли.

— Совсем не узнать, — поразился Сы Юэ.

Сейчас Вань Яо выглядела как роковая женщина, роскошная и притягательная. В фильме же она играла наивную девчонку, любительницу литературы, которую обманули несколько мужчин, после чего она родила ребенка и в итоге стала успешной бизнес-леди.

Вань Яо редко встречала такую искренность.

— Буду считать это комплиментом, — она кокетливо посмотрела на Бай Цзяня. — Где ты откопал такого мальчика? Достань и мне одного, буду время коротать.

Сы Юэ не совсем понял шутку, но почувствовал, как улыбка Бай Цзяня стала ледяной.

— Госпожа Вань Яо, знайте меру.

Женщина побледнела и тут же склонила голову:

— Простите.

Бай Цзянь повел Сы Юэ вверх. Официальная часть проходила на первом этаже, но до начала гости могли свободно гулять. Второй этаж был зоной отдыха для членов семьи.

— Что с ней? Она сказала что-то не то? — Сы Юэ не понял резкой перемены настроения Бая.

— Не то чтобы «не то», — тихо ответил Бай Цзянь. — Но это было слишком фамильярно.

— По-моему, она забавная. И красивая. Она тоже тритон?

— Аюэ, ты мой партнер. Они должны уважать тебя так же, как уважают меня, — Бай Цзянь погладил его по волосам.

Старшие тритоны любили поддразнивать человеческих детей. В этом не было злого умысла, но в приличном обществе нужно учитывать статус собеседника.

Раньше фраза «ты мой партнер» вызывала у Сы Юэ лишь неловкость, но теперь к ней добавилось нечто новое. Радость. Огромная, распирающая радость. Он чуть ли не вприпрыжку шел по коридору. Но перед дверью в комнату сумел взять себя в руки.

— Сходи перекуси, Бай Лу где-то там, — подтолкнул его Бай Цзянь.

Бай Лу приехал раньше и сейчас сидел в компании Бай Юанье, уплетая огромный шоколадный торт. Вид у обоих был неважный.

Сы Юэ подошел и закинул в рот пару слив из вазочки.

— Что стряслось?

— Второй брат хочет, чтобы я переехал к нему, а я не хочу! Вот он и злится, — всхлипнул Бай Лу.

Бай Юанье нахмурился:

— Я же просил не трепаться! — Его явно раздражала болтливость младшего. Осадив брата, он поднял глаза на Сы Юэ. — Невестка (саоцзы).

— ...

— Привет, — отозвался Сы Юэ.

Бай Лу запихнул в рот огромный кусок торта.

— Я только что видел фото бабули... у-у-у, мне так грустно! Как думаешь, в следующей жизни она снова станет тритоном?

Сы Юэ вспомнил слова Бай Цзяня и медленно произнес:

— Кто знает. Может, она захочет стать человеком.

— Ладно, признаю, — Бай Лу отложил тарелку. — Быть человеком тоже неплохо.

— И чем же? — Сы Юэ было любопытно.

Бай Лу печально ответил:

— Тритоны обычно не толстеют. Но если растолстеть, в воде трудно двигаться. Тебя сожрут хищники покрупнее, или ты просто утонешь, потому что не сможешь плыть.

Сы Юэ: «...»

— Тогда ешь поменьше, — Сы Юэ покосился на шестидюймовый торт, от которого осталась едва ли треть.

— Мой хвост недоразвит, я не растолстею, — Бай Лу вылизал вилку и тоскливо посмотрел на Сы Юэ. — Аюэ, я тебе завидую. Брат тебя так любит, дядя Чэнь тебя любит, все тебя любят. А единственный человек, который больше всех любил меня, теперь умер... — И он снова разрыдался.

Сы Юэ бросился вытирать ему слезы салфетками, но их было столько, что он просто прижал к глазам мальчишки целый ком бумаги.

— У-у-у-у! — завыл Бай Лу, не успев даже стереть крем с губ.

— Невестка, давай я, — Бай Юанье с каменным лицом перехватил «эстафету». Сы Юэ подумал, что Бай Юанье, в отличие от брата, умеет вовремя прийти на помощь.

Младшую дочь Бай Ити звали Бай Шэн. Она была в черном платье с короткой накидкой. Когда гости закончили приветствовать Бай Цзяня, она подошла к нему с покрасневшими глазами.

— Мама просила передать вам кое-что лично.

Когда они ушли, двое кузенов Бая (дядюшки) тут же начали шушукаться:

— И что это она нам ничего не показала?

— И правда. На месте матери я бы всё разделил между нами, братьями, а не отдавал этой девчонке Бай Шэн. Какой от неё толк? Мы бы хоть дело замутили!

— Может, проследим? Посмотрим, что там за сокровище?

— Не-не, я не пойду. Услышит Бай Цзянь — опять дивиденды срежет. Иди сам, если хочешь.

Бай Шэн привела Бай Цзяня на верхний этаж левого крыла. Полуовальная дверь, покрытая ржавчиной, была заперта на массивный замок. На двери были вырезаны изображения тритонов. С трудом открыв её, она ввела гостя в зал, похожий на церковь: ряды скамей по бокам и стены, расписанные сценами из жизни морского народа.

— Здесь нет электричества, простите, — извинилась Бай Шэн.

— Ничего, — спокойно ответил Бай Цзянь.

В конце зала была еще одна дверь. Здесь пришлось вводить пароль и с силой тянуть засов. Открывшийся ледяной воздух заставил перехватить дыхание. Бай Шэн задрожала, окутанная белым паром. Стуча зубами, она достала из хранилища пробирку и передала её Бай Цзяню.

— Мама велела отдать это вам, — её лицо мгновенно посинело от холода. — Это двадцать миллилитров крови Прародителя, взятые еще тогда. Она очищена, после разморозки готова к применению. Это... это поможет снизить риск при превращении вашего партнера в тритона. По крайней мере, иммунная система не откажет.

— Она давно хотела отдать это, но вы долго были один. Она не знала, как завести разговор. В последнее время её память слабела, она всё путала... В прошлый раз она собиралась принести кровь, но почему-то принесла ожерелье, — глаза Бай Шэн наполнились слезами. — Мама... ей было так тяжело.

Пробирка в руках Бай Цзяня была ледяной. Глядя на замерзшую нежно-голубую жидкость, он негромко произнес:

— Она очень старалась. Спасибо ей.

События прошлого были хаотичными, никто не знал, что будет завтра. После смерти Прародитель упокоился на дне океана, и его тело было предано морю.

Бай Шэн вспомнила спутника Бай Цзяня — юного, наивного человеческого мальчишку.

— А он захочет? — спросила она. — Если менять его насильно, это будет мучительно.

Бай Цзянь горько усмехнулся:

— Не знаю.

Бай Шэн замерла. Она никогда не видела на лице господина Бай Цзяня выражения, которое можно было бы назвать растерянностью.

— Пусть это пока побудет у меня, я уезжаю за границу, — сказала Бай Шэн. — Вы сможете подготовить такой же холодильник за три дня? Я пришлю вашему помощнику все параметры.

— Да, смогу, — кивнул Бай Цзянь.

Он спустился вниз первым. Сы Юэ как-то обмолвился, что хочет стать тритоном, но это было лишь юношеское упрямство после проигранной драки. Он не понимал, что значит смена вида. Отказ от собственных генов — это и жертва, и в каком-то смысле предательство себя. Бай

Цзянь хотел, чтобы это было добровольное решение Аюэ, а не вынужденная мера. Между свободным выбором и безысходностью — пропасть.

Впрочем, даже если Аюэ останется человеком — что с того? Прожив триста лет, Бай Цзянь знал, как дешева и ненадежна внешняя оболочка. Аюэ останется Аюэ и в восемнадцать, и в восемьдесят. Он будет с ним до последнего вздоха, а всё последующее одиночество — это уже не забота Аюэ. И в этом тоже была своя гармония.

Сы Юэ тем временем резался в карты с молодежью. Среди них он знал лишь немногих: Бай Лу, Бай Юанье, Бай Жаня. Старшие, боясь, что молодежь заскучает, предложили им видеоигры или карты. Сы Юэ втянул в это дело Бай Жань.

Похороны — такое место, где искренне скорбят лишь самые близкие, для остальных это лишь светское обязательство. Хотя среди них были и те, кому было больно — как Бай Лу или Бай Жаню, но рыдать в голос в такой обстановке могли лишь совсем неразумные.

Бай Лу, всхлипывая, выложил двойку. Парень рядом с ним взорвался:

— Сы Юэ — хозяин, Сы Юэ опять хозяин! Да я сдаюсь!

Сы Юэ выигрывал партию за партией. Он с довольным видом загребал деньги. Остальные ворчали:

— Ты слишком крут! Тебя Бай Цзянь научил?

— Неужели он не дает тебе карманных денег, раз ты нас так грабишь?

— Противный человечиска!

— Несносный!

Бай Цзянь вошел как раз в тот момент, когда Сы Юэ хвастливо вещал:

— Я самоучка, зачем мне его уроки? Он мой партнер, его деньги — мои деньги, зачем мне просить?

Сы Юэ чувствовал, что его актерская игра на высоте.

— И кто тут противный? — добавил он. — Людей оскорблять не позволю.

— ...